

Протокол допроса свидетеля от 19 ноября 1990 года
Москва. Следователь по особо важным делам Прокуратуры г.Москвы
старший советник юстиции Шеер А.Л. в Межгорпрокуратуре допросил
в качестве свидетеля

Фамилия, имя, отчество: ЛИГАЧЕВ ЕГОР КУЗЬМИЧ
месяц, год рождения: 29 ноября 1920 года

Гражданство: СССР

национальность: русский

родной язык: русский

место рождения: Новосибирская область, Чулымский район,
дер. Дубинки

«семейное положение»: женат

«место работы»: пенсионер

«домашний адрес»: Москва, ул.Косыгина, дом 10, кв. 5

«телефон»: -

«награды»: ордена и медали СССР

«судимость»: не судим

«подпись Лигачева»

По существу дела показываю следующее:

Первое сообщение об обнаружении захоронения на берегу реки Обь в деревне Келпашево Томской области я получил в начале мая 1979 года от начальника Управления КГБ по Томской области Иванова К.М. Он сказал, что в связи с бурным паводком в Келпашеве стал обваливаться берег и «обнаружились»станки погибших, с чем он преинформировал КГБ в Москве. Я спросил, известно ли, что это за захоронение. Иванов ответил, что никто ничего не знает, хотя очевидно, что речь идет не об обычном захоронении. Точнее, я сказал бы так: когда Иванов мне декларировал «случившемся», еще не было подтверждений, которые могли бы свидетельствовать с несомненностью о том, что это захоронение людей репрессированных. Уже вследствии, после завершения операции по ликвидации этого захоронения, Иванов говорил «мне», что судя по всему там были захоронены люди, репрессированные в период гражданской войны, а

также в период 37-х годов. Однако, по словам Иванова, никаких документальных свидетельств на этот счет обнаружить не удалось. И кто, и при каких обстоятельствах был захоронен в Колпашеве, так и осталось неизвестно. Но возвращаюсь назад. После первого *(хе)* сообщения я тут же позвонил в ЦК товарищу Суслеву с тем, чтобы сообщить о случившемся. У меня все-таки после первой же информации Иванова сложилось впечатление, что это не рядовой случай. Суслев сказал мне, что ему уже звонили из КГБ и партийным комитетам вмешиваться в это дело не следует. Пусть всем этим занимается КГБ. В тот же день состоялся мой разговор с председателем КГБ Ю.В. Андроповым. То ли я ему позвонил, то ли он мне. Андропов сказал мне, что действительно этой проблемой будет заниматься Центр и местные органы КГБ. Хочу отметить, что ни обком КПСС, ни колпашевские партийные органы никакого участия в мероприятиях по ликвидации захоронения не принимали. По завершении этой "операции" Иванов дележил мне о ее итогах и больше к этому вопросу я не возвращался. Характерно, что никаких заявлений или ходб в связи с этим событием, в всяком случае в обкоме партии, не поступало.

Отвечая на конкретные вопросы, могу сказать следующее: никаких решений о ликвидации захоронения я не принимал, а как уже сказал, этим занимались органы КГБ в Москве и на месте. Как все это происходило, я не знаю. Не знал я и как технически это осуществлялось уничтожение захоронения. Я узнал об этом только много лет спустя из газетных публикаций. Бортникова или кого бы то ни было из работников аппарата обкома я не направлял в Колпашево в связи с обнаружением захоронения. В частности, с Бортниковым я даже не разговаривал никогда *(об)* этой проблеме. Снова возвращаясь к своим разговорам с Ивановым. Он настойчиво повторял, что разобраться с этим захоронением надлежит им, а партийным органам не следует в это вмешиваться. Он даже несколько раз повторял это: не нужно партийным органам заниматься этой проблемой. На вопрос, почему не было произведено перезахоронение трупов, могу ответить так: в то время в стране был период свертывания реабилитационного процесса и не могло быть даже речи о предании гласности случившегося. По сложившемуся тогда порядку такие мероприятия старались осуществить без привлечения общественного внимания и, соответственно, и мне не приходило в голову как-то изменить уставившийся порядок. Я также считал, что партийным органам не следует в это вмешиваться и, как самой разумеющееся, полагал, что это дело КГБ.

Теперь по прошествию лет и таким резким изменении нашего общественного сознания, когда многие вещи, проблемы стали пониматься совершенно по-другому, конечно же, никто так не поступил бы с захоронением. Конечно же обнаруженный могильник надо был аккуратно разобрать и перезахоронить останки погибших вне зависимости даже от того, кто там захоронен, не говоря уже о том, что там, как стало теперь известно, захоронены жертвы репрессий тридцатых и последующих годов. Теперь о случившемся можно только сожалеть, изменить что-то, к сожалению, сейчас уже нельзя.

Записано верно, мною прочитано

Лигачев.